

таңда секта қатарында жүргендер саны күн санап артуда, бұл мәселелердің барлығы еліміздің ірі қалаларында сектадан зардап шеккендерге Еуропа тәжірибесіне сүйеніп орталықтар ашу, олардың ортақ сайттары мен басылымдарын жариялау қажеттігін туындатып отыр.

1. Фрейд З. *Психология бессознательного*. – С.М.: Просвещение, 1989. – С.248-255.

2. Хассен С. *Контроль сознания и феномен культа*. – М., 2000. – С.102.

3. Хассен С. *Контроль сознания и феномен культа*. – М., 2000. – С.67.

4. Волков Е.Н. *Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах*. – Журнал практического психолога. – 1996.–№ 6. – С 17.

В статье рассматриваются особенности психологических методов привлечения в деструктивные секты. Особо отмечается один из основных методов как контроль над сознанием.

The article is considering the features of psychological methods of attraction in destructive sects. And there is especially marked one of the basic methods as the control above consciousness.

Н.А. Кебина

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ

Поиск ответов на вопросы о смысле жизни невозможен без обращения к истории философии, где мы найдем множество «советов», «мнений и сомнений» мыслителей, стремящихся оградить людей от духовного варварства, открыть в каждом человеке «разумное, доброе, вечное», предупредить, что необходимо заботиться не только о средствах жизни, но и о целях жизни.

Одна из основных тенденций историко-философской эволюции – поиск смысла, неотделимого от сущности и существования человека и определяющего его предназначение. Протагор провозгласил человека мерой всех вещей, поэтому традиционно первый интерес к проблемам человека связывают с учением софистов, но смысложизненные проблемы пронизывают всю античную философию. Интересен подход к проблеме смысла в этическом рационализме Сократа: смысл жизни – особый род исследования, направленного на самопознание и духовное самосовершенствование человека. Выдающийся античный мыслитель считал самопознание определяющим философским принципом, что убедительно доказал разработкой представления о философии как образе жизни. «Сократовское самопознание – это поиск общих (прежде всего этических) определений, это забота о своей душе, о своем предназначении. Ориентация на познание общего или всеобщего (нравственного и вообще идеального), установка на оценку в свете этого всеобщего и на гармонию между внутренними побудительными мотивами и внешней деятельностью для достижения благой и осмысленной жизни» [1, с. 203]. Самопознание, таким обра-

зом, неотделимо от размышлений о взаимоотношении познания (знания) и добродетели.

Сократ – основоположник диалогического постижения смысла. Лукавая, мудрец «провоцирует» собеседников вступить в спор, освободиться от самоуверенности и сообща искать истину, исследовать глубины, «закоулки» своей души. Мотивы и цели по Сократу принципиально отличаются от телесных желаний. «Не брать, а отдавать» – вот направление нравственного поведения человека, способного уравновесить свой эгоизм. Духовный человек стремится служить людям вплоть до самоотречения. Не случайно сам Сократ остался в веках, как человек ценою собственной жизни отстоявший свои идеалы, явивший пример постижения смысла и служения ему. Даже *смысл его смерти* стал доказательством и воплощением *смысла его жизни*.

Гибель Сократа стала не только тяжелой утратой для его ученика Платона, но и исходным пунктом его самостоятельной философии, где одно из основных положений – неприятие мира вещей как отторгнувшего, убившего учителя. «Идея», как «замысел», воплощенный в определенном материале, первична и определяюща по отношению к вещам. Идея – это особенно важно для нашего исследования, у Платона одновременно и сущность вещи, фундаментальное основание бытия, и гипотеза (проект), содержащий в себе закономерность перехода от идеи к её воплощению, и метод осуществления, и принцип существования. Платон – противник тех, кто пытается объяснить мир из него самого. Мир культуры у Платона не порождает идеи, а сам порождается идеями, которые не от мира.

Далее Платон различает два начала в душе человека – *чувственное и рациональное*. Причем уже в чувственном начале души присутствует *самокритика*, когда человек осуждает свои страсти. Эта часть души – союзник разума. Вся жизнь человека, согласно учению Платона, борьба двух начал, и от победы в ней зависит, кем будет индивид в последующем рождении человеком, животным или растением. *Платоновская идея* – это не только родовое понятие вещи, а и её *смысловая модель*, прообраз её возникновения.

Разработка проблемы идеи как момента принципиального единства в определенном классе вещей, как образца и принципа – главное достижение платонизма. Подобная трактовка, однако, имеет противоречивые последствия, ведь в окружающем нас мире, согласно Платону, существуют отдельные, не связанные друг с другом вещи, и сама сущность мира оказывается, отделена от него.

Благодаря Аристотелю возникает *телеологический подход к смыслу жизни*, не зависящий от обстоятельств, связанный с представлением о свободе воли, хотя основы телеологии, несомненно, заложены ещё в диалогах Платона. Следуя рассуждениям Платона, Аристотель подвергает критике разрыв между миром и его сущностью: «Платон мне друг, но истина дороже». Он показывает, что «чистые идеи» – действительность без возможности или возможность без действительности.

Для Аристотеля человек – это, прежде всего, интеллект. Все поступки человека тяготеют к неким целям как к благу. Поступки и цели между собой выстраиваются в иерархию и подчинены главной цели или высшему благу – счастью. Что же такое счастье? Высшее благо и счастье доступно человеку и неотделимо от самосовершенствования. В философии Аристотеля сократовские и платоновские мысли наполняются новым колоритом: рациональная душа – доминанта, в которой каждый находит себя. Для этических рассуждений Аристотеля характерно понимание природы добродетели как середины между двумя крайностями – эгоизмом и самоотверженностью: «Добродетель есть известного рода середина, поскольку она стремится к среднему. Сверх того ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно, как картинно выражались пифагорейцы, а добро ограничено), верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно, легко промахнуться, трудно попасть в цель, поэтому – избыток и недостаток – принадлежность порока, середина – принадлежность добродетели» [2, с.31].

Аристотель считает, что смысл – это

«мысль о целесообразности природы и всего мирового процесса» [3, с.32]. Аристотель, развивая учение о смысле, как цели вводит неологизм – *энтелехия*. Энтелехия – осуществление, актуализация цели и средства. Смысл не является конечной целью – это лишь *желательное состояние*, гармоничная целостность, принцип единства мирового порядка.

Стремление постичь феномен смысла присуще не только европейской, но и *восточной философской традиции* (может ещё в большей степени). Здесь мы видим как религиозные, так и светские мотивы, причем на начальных этапах, как правило, преобладают первые, а по мере общественно-исторического развития – вторые (светские). Наиболее древние попытки поиска смысла мы встречаем в философских учениях Индии и Китая.

Для ведизма, например, философское представление о мире и человеке неотделимо от представлений о *нравственной жизни*; в джайнизме основным признаком души является сознание. Степень сознательности в различных душах неодинакова, но именно душе доступны и безграничное знание, и безграничное счастье. Желания и страсти – основная причина, порождающая зависимость души, поэтому «освобождение» – аскетизм.

Буддизм, объявив жизнь страданием, подробно разработал практические пути этического совершенствования. Причем для избавления от страданий не нужно ждать загробной жизни, оно возможно в жизни земной и связано с учением о восьми добродетелях: правильных поведении, видении, образе жизни, направлении мысли, речи, усилении, внимании, сосредоточении.

Китайская философия характеризуется яркой самобытностью. Её интенция – идея органического единства человека и мира. Практицизм в решении основных проблем бытия неотделим от философствования. Знание («чжи») – это не только его описание, но и предписание к действию. Обладать знанием, следовательно, «знать свое дело» и соотносить его с естественной закономерностью, которую нельзя нарушать. В китайской философии Небо – «Тянь» способно как породить, наделить «благами и достоинствами», так и погубить человека. Для Конфуция небо – это высшая сила, рок, судьба. Но можно ли научиться служить духам, не научившись слушать людям? Несколько позже складывается представление о человеческом совершенстве, предполагающее, прежде всего, гуманность. «Благородный муж думает о том, как бы не нарушать законы, обязан следовать ритуалам» [4, с.148]. В результате гуманность трактуется, как следование правилам, ритуалу,

этикету. Этикет невозможен без реализации «золотого правила нравственности», морального императива, весьма актуального и сегодня: «то, чего не хочу, чтобы делали мне, я не хочу делать другим» [5, с.150]. Хотя теперь «людей понимающих мораль мало, принципам долга не следуют, недоброе не исправляют, учатся ради известности, а не ради самосовершенствования, занимаются обманом, срывают свой гнев на других, устраивают ссоры, не умеют и не хотят исправлять свои ошибки и т. д.» [6, с.111].

Таким образом, в русле древнекитайской традиции мы наблюдаем телеологическую точку зрения: проблема смысла неотделима от представления о внутренней свободе.

Средневековая философия переносит акценты в рассмотрении проблемы смысла, теперь – это уже *сверхприродное начало*. В результате преодолевается характерная для античной философии противоположность начал активного и пассивного, формы (идеи) и материи. Дуалистический принцип сменяется монистическим – есть только одно абсолютное начало – Бог, все остальное его творение. Бог недоступен для познания, но открывает себя в священных текстах, экзегетика – основной путь богопознания.

Таким образом, знание о несотворенном, божественном бытии (сверхбытии) возможно только сверхъестественным путем с помощью веры. На вопрос о смысле человеческой жизни мыслители средневековья давали не менее разнообразные ответы, чем философы античности. Рассуждения строились между двумя трактовками. *Первая, библейская* – человек как образ и подобие бога. *Вторая, разработанная Платоном*, – человек как разумное животное. В палитре рассуждений – представления о душе и теле. Первым философом, попытавшимся привести в систему христианские догматы и на их основе создать учение о человеке, был Ориген. Он считал, что человек состоит из духа, души и тела. Дух не принадлежит самому человеку, он даруется ему Богом и всегда устремлен к добру. Душа, составляя наше собственное «Я», являясь в нас началом индивидуальности, выбирает между добром и злом. По природе душа должна повиноваться духу, а тело душе. Но в силу двойственности души ее низшая часть нередко берет верх над высшей, побуждая человека следовать страстям. В результате человек оказывается греховным существом, переворачивающим порядок, созданный творцом, подчиняющим высшее низшему. Появляется зло, которое исходит не от Бога, не от природы, не от тела, а от злоупотребления божественным даром – свободой. А как же разум? «Мы должны привлекать к

вере при помощи разумных доказательств, тех, кто ищет мудрости» [7, с.802], – утверждает Пьер Абеляр. Фома Аквинский приходит к выводу: «Только в забвении достоинства своего человек может прилепиться к вещам недостойным Бога». Так, в средневековой европейской философии формируется образ «внутреннего человека», обращенного к творцу, глубины его души скрыты даже от него самого и доступны только Богу.

В эпоху Возрождения начинает формироваться новое самосознание, новое мировоззрение, в основе которого *представление о силе и таланте человеческой индивидуальности*, устремленной к самоутверждению, самореализации, *самоценности личности*, обосновывающей собственную позицию. Вся социокультурная ситуация Ренессанса дала сильный импульс дальнейшему росту интереса к проблеме смысла. Решение проблемы поиска смысла неотделимо от утверждения представления – «человек – творец самого себя».

М. Монтень несколько изменяет ракурс рассмотрения проблемы. Он пытается понять, какую мораль сумеет подсказать нам разум, лишенный света веры, не дает теории, объясняющей смысл жизни, а *ищет практический способ*, позволяющий прожить жизнь достойно: «Чтобы правильно судить о вещах возвышенных и великих надо иметь такую же душу; в противном случае мы припишем им наши собственные изъяны. Весло, погруженное в воду, кажется нам надломленным. Таким образом, важно не то, что мы видим, но и как мы его видим» [8, с.61].

Проблема поиска смысла человеческой жизни – закономерный процесс в духовной эволюции человека, что «доказывает» история философии. Развитие темы дает широкий спектр представлений, но взгляды мыслителей имеют не столько альтернативную, а скорее *идентичную вечную основу* – это поиск человеком себя, своего предназначения, места в мире, оснований своей жизни и деятельности, неотделимых от поиска смысла мира, где разворачивается существование личности и проявляется её сущность.

1. Кессиди Ф.Х. *Сократ*. – СПб., 2001 – С. 203.

2. Аристотель. *Этика (к Никомаху)* // *Этика Аристотеля*. – СПб., 1908. – С. 31.

3. См.: Асмус В. Ф. *Метафизика Аристотеля* // *Аристотель. Соч., Т. 1.* – М., 1976. – С. 32.

4. Бхагавадгита. Гл. XVIII. Шлока 49 // Семенцов В. С. *Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике*. – М., 1985.

5. Лунь ой. // *Древнекитайская философия в 2-х т.* – М., 1972. – Т. 1. – С. 150.

6. Чанышев А. Н. Конфуцианство // Философия Древнего мира. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 111.

7. Абельяр П. Возражение некоему невежде в области диалектики. // Антология мировой философии. В 4-х т. М.: Мысль, 1969. – Т. 1. – С. 802.

8. Монтень М. Опыты. Избранные главы: Пер. с фр. – М.: Правда, 1991. – С. 61.

Search of answers to questions on life meaning is impossible without the reference to history of philosophy where we shall find set of "advice", "opinions and doubts" of thinkers, who aspire to protect people from spiritual

barbarity, to open "reasonable, kind, eternal" in each person, to warn that it is necessary to care not only of means of life, but also about the purposes of life.

Өмірдің мәні туралы сұраққа жауап философияның тарихысыз мүмкін емес, көптеген ұлы даналардың адамдарға деген «кеңестерін», «ой мен күдіктерін» қай жерден табуға болады, әр адамның ішкі дүниесінен «мәңгілік, мейірімділік, ақыл» ашуға болады және тек өмір сүру үшін ғана емес, өмірдегі мақсаты туралы ой тудыруға аяушылық көрсетеді.

Сағынкул Қонар

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕССМЕРТИЯ В МИФОЛОГИИ КАЗАХОВ

Стремление к «бессмертию» исторически исходит из самой природы казаха - номада, окруженного вечным Космосом и Природой, который убеждаясь в неизбежности и вечности окружающего мира, старается уподобиться Ему. И потому это является смыслом его жизни и предназначением.

Стремление к бессмертию у казахов проявляется, можно сказать, в двух аспектах: в духовном плане и практической символизации духовных истоков. В духовном плане проблема бессмертия находит свое отражение в мифологии, религии, литературе и в философском мировоззрении. А к практической символизации проблемы бессмертия, по моему мнению, относятся все исторические произведения культуры, в том числе мавзолеи и надгробные сооружения, построенные для увековечивания памяти народных героев и духовных наставников, отнесенных к сану святых.

Итак, начнем рассматривать проблему бессмертия с того, как она отражалась в мифологическом сознании казахов, как форму синкретического мышления доисламского периода. Вымыслом они заменяли непонятные для них явления природы и с помощью фантазии пытались объяснить происхождение неясных религиозных обрядов и обычаев, истолковать происхождение названий народов, местностей и городов. Необходимо отметить, что данный период мышления для номадов, как и для всех других народов, был неизбежным, поскольку миф выполнял двойную функцию: как объясняющую явления объективного мира, так и регулирующую отношения людей внутри этнической общности.

Предпосылками мифологической «логики» протоказахов являлись:

во-первых, неспособность их выделить себя

из окружающей их среды;

во-вторых, нерасчлененность мифологического мышления, не отделившегося от эмоциональной аффективной среды. А потому следствием было метафорическое сопоставление природных и культурных объектов, в том числе одушевление фрагментов космоса, очеловечивание окружающей природной среды. Поклонение небу – Тенгри, солнцу, огню, воде, свойственное для древнетюркских племен, обитавших в Средней Азии, на Алтае, на территории современного Казахстана, прежде всего, «связано с кочевым образом жизни, его бытом. Элементы язычества и шаманизма естественны для казахов потому, что древние формы познания мира наиболее полно отражали жизнь, близкую к природе» [1, с. 55].

Чокан Валиханов писал об объектах поклонения казахов: «Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (т.е. святого – С.К.); все курганы называются оба, что значит куча. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенными кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевки. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей» [2, с. 209]. Многие казахские мифы о священных деревьях являются диахроническими. Например, миф о святыне «Аулие бастау» («Святой родник») в Жамбылской области преобладает элементами традиции, восходящими к архаическим анимистическим воззрениям. Все деревья, растущие рядом со священным родником, пестрят многочисленными тряпочками. Люди уверяли, что, когда было сломлено и повалено ураганом самое большое дерево, из него текла кровь. Из